

УДК 159.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СКРИНИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СУИЦИДАЛЬНЫХ НАМЕРЕНИЙ ПОДРОСТКОВ

Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н.

ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», Оренбург, e-mail: galinamar@mail.ru

В статье анализируются скрининговые исследования как возможность создания психодиагностики с прогностическими характеристиками. Авторы статьи обосновывают методологические и предлагают рассмотреть теоретические основания скринингового диагностического инструментария. Описываются методические алгоритмы создания скрининговых технологий, а также особенности количественного и качественного исследования. Излагается история возникновения скринингового метода в зарубежной и отечественной психологии. Анализируются известные скрининговые исследования социальных явлений. Выводятся рабочие понятия суицидальных намерений и суицидального поведения в подростковом возрасте. Выделяются основные критерии и параметры скрининговых опросников, выявляющих суицидальные намерения и суицидальное поведение современных подростков. Критерий жизнестойкости представляется как основной качественный показатель авторского скринингового опросника. Предложены для осмысления, дальнейших прогнозов и с целью стандартизации скринингового опросника первичные данные авторского исследования.

Ключевые слова: методология и теория скрининговых технологий, скрининг, скрининговый метод, скрининговая технология, прогностичность метода, суицидальные намерения, суицидальное поведение, жизнестойкость

METHODOLOGICAL, THEORETICAL, METHODOLOGICAL BASES SCREENING SUICIDAL TEENS

Epanchintseva G.A., Kozlovskaya T.N.

State Educational Institution «Orenburg State University», Orenburg, e-mail: galinamar@mail.ru

In article screening researches as possibility of creation of psycho-diagnostics with predictive characteristics are analyzed. Authors of article prove methodological and suggest to consider the theoretical bases of screening diagnostic tools. Methodical algorithms of creation of screening technologies, and also features of quantitative and high-quality research are described. The history of emergence of a screening method in foreign and domestic psychology is stated. Known screening researches of the social phenomena are analyzed. Working concepts of suicide intentions and suicide intentions of teenage age are output. The main criteria and parameters of the screening questionnaires revealing suicide intentions and suicide behavior of modern teenagers are allocated. The criterion of resilience is represented as the main quality indicator of an author's screening questionnaire. Primary data of author's research are offered for judgment, further forecasts and for the purpose of standardization of a screening questionnaire.

Keywords: methodology and theory of screening technologies, screening, screening method, screening technology, predictive method, suicide intentions, suicide behavior, resilience

Новые тенденции в философии, психологии постнеклассического периода позволили пересмотреть отношение к природе и социальному миру, к оформлению новейших идеалов человеческой деятельности и пониманию перспектив развития человека, осмыслению его ценностных пределов. Возникла глобальная проблема сохранения человеческой личности как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Эту задачу иногда обозначают как современный антропологический кризис. Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе. Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь и, очевидно, ухудшающие ее [6]. Впервые в истории

человечества, как отмечает Г.В. Залевский, возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразны программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре. В связи с этим психологическая наука и практика испытывает необходимость в новых объяснительных принципах и новых методах исследования столь сложных явлений [7].

Отдельные теории личности в современной психологии являются, нередко, далеки от методологического и теоретического своего завершения, в связи с отсутствием принципиально новых диагностических методов и перспектив их развития при изучении бесконечности развития человека. По-прежнему в теории и практике научных

исследований диагностика исполняет свою традиционную роль, выявляя состояния, отдельные характеристики, качества развития личности, показатели которых имеют дискретный и некоторый финальный характер [5, 6]. Основные антропоцентрированные тенденции развития диагностики заявляют о себе в связи с острыми практическими проблемами и находятся на этапе оформления как новый диагностический инструментарий, представленный для конкретной социальной практики. Установка на динамичное саморазвитие личности делает актуальным назначение характера самих диагностических процедур, введение в них проблемных ситуаций, работа над которыми при анализе данных ситуаций, и потому, вовлеченных в совместный поиск их решения (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, В.В. Давыдов, А.Б. Орлов, В.В. Столин, И.С. Якиманская) [1, 9, 13].

Необходимо отметить, что официальная идеология психодиагностики также построена по типу выявления отдельных психических качеств. Но исследование огромного набора психических качеств не только не соответствует целостности природы субъекта, но и нередко превращает работу практического психолога в механическую работу по сбору и обработке невероятного массива эмпирических данных. Как отмечает ряд исследователей (Е.М. Борисова, А.Ф. Ануфриев, М.А. Холодная и др.), работа психологов чаще всего сводится к психодиагностике, которая выступает для них только одним из инструментариев оценки результативности собственной деятельности [1, 3, 13].

Психологическая практика остро нуждается в пересмотре традиционных приемов создания диагностического инструментария. Естественно, необходимо, прежде всего, определиться с методологическими и теоретическими основаниями диагностики с новыми признаками. Мы считаем уместным согласиться с тем, что методология психодиагностики с антропологических позиций определяет использование низкоформализованных методов исследования как более эффективного направления, поскольку данные методы ориентированы на исследование индивидуальных особенностей личности в ее онтогенетическом развитии с целью поиска путей ее уникального и бесконечного развития. Высокоформализованная диагностика, как правило, отсекает большой пласт информации от анализа, который может быть получен лишь в процессе личного общения с человеком [3, 6]. Изучение столь сложного социального явления как детский суицид заявляет о необходимости критического отношения к существующей диагностике выявления

ранних суицидальных намерений школьников. Для создания принципиально нового диагностического инструментария нами проведена аналитическая работа скрининговых моделей изучения столь сложных социальных явлений [16].

Термин «скрининг» происходит от английского «screen», что *значит* «отбирать» или «сортировать». Скрининговые исследования впервые стали известны в медицине. Как правило, они проводились и проводятся с целью выявления предрасположенности к заболеванию до того, как оно проявляется в самочувствии, снижении работоспособности и общей степени здоровья [2, 3, 16].

В психологии скрининговые исследования становятся достаточно распространенными методами в педагогической, возрастной, специальной, психологии развития с середины XX века. Традиционно аналогичные исследования определялись как комплексная психолого-педагогическая диагностика. Принцип комплексности (Б.Г. Ананьев, А. Анастаси, Д.Б. Богоявленская, М.А. Холодная и др.) предполагает всестороннее исследование развития психики ребенка, раскрытие внутренних причин и механизмов возникновения того или иного отклонения [5, 11, 13]. Подобная работа осуществляется группой специалистов, в которую входят врачи, педагоги-дефектологи, психолог, социальный педагог. Экспериментально-психологическое обследование ребенка сопровождается наблюдением за ним, анализом продуктов его игровой и учебной деятельности. В середине прошлого века ведущими авторитетами в области комплексной диагностики развития ребенка считают: С.Д. Забрамную, В.И. Лубовского, Т.В. Розанову, С.Я. Рубинштейн, О.Н. Усанову и др. [2, 9].

Еще в начале XX века русский психолог А.Ф. Лазурский явился инициатором проведения комплексных наблюдений за детьми в естественной среде, создавшим оригинальную экспериментальную программу для психологического описания уровня развития ребенка [2, 11, 13]. Эти положения были развиты в дальнейшем Л.С. Выготским, который утверждал, что обследование личности ребенка должно проводиться в рамках деятельности ребенка, которая влияет на его развитие, учитывать и дифференцировать воздействия, которые оказывают обучение и среда. Зона ближайшего развития показывает, как ребенок использует помощь взрослого, какова величина этой помощи со стороны психологического взрослого при приобретении умений и навыков, а также прогнозирует вектор развития его будущего поведения и успехов [4]. Выводы Л.С. Выготского позволили перейти в дальнейшем к изучению качественных

изменений психических процессов и особенностей развития. Следует отметить обучающие эксперименты А.Я. Ивановой, которые были направлены на выявление потенциальных возможностей ребенка и его поведения [5].

Внутриительную роль в развитии скрининговых методов раскрыты в работах В.И. Лубовского, обратившего внимание на вторичные нарушения, появляющиеся в ходе социального взаимодействия ребенка с другими людьми. По утверждению В.И. Лубовского, важнейшими социальными основаниями, приводящими к сложностям социальной адаптации и коммуникативным проблемам, являются отношения с родителями, педагогами, сверстниками. Далее эти трудности увеличиваются, особенно если ребенок действительно родился с некоторыми первичными нарушениями, например, гиперактивностью, дисфункциями и т.д. [2, 8]. Ряд исследователей в рамках скрининговых исследований рассматривают как один из ведущих его результатов получение эмпирического массива данных, способных показать развитие ребенка в норме и некоторые признаки аномального развития. Подобные выводы несколько спорны, на наш взгляд. Скорее скрининговая диагностика способна определить группы риска, понятие нормы в психологии является одним из проблематичных вопросов, поэтому для столь категоричных выводов необходимы длительные клинические диагностические процедуры. Современная комплексная диагностика включает психофизиологическое обследование, которое может сопровождаться нейропсихологическими и аппаратурными методами. При формировании скрининговых методов самой сложной оказывается выделение системы критериев и параметров изучаемого явления.

Постнеклассический период развития психологии предполагает разработку новых технологий, методов, методик и диагностических процедур в связи с новыми запросами общества и ожиданиями психологической практики. Тревога общества в связи с ростом числа девиаций, в том числе агрессивного и аутоагрессивного, криминального, асоциального поведения, возрастание количества детских суицидов ставит перед исследователями проблему – обнаружить и обобщить признаки аналогичного поведения на ранних этапах развития, до того, как ребенок совершат саморазрушающее действие [8, 13].

Большие ожидания эффективности скрининговых методов выражают практические психологи, педагоги средних школ, работающие с суицидальными подростками, количество которых в нашей стране увеличивается. Данные Всемирной орга-

низации здравоохранения отмечают, что в России самый высокий в Европе уровень самоубийств среди подростков. За год примерно 1500 детей заканчивают самоубийством, около 4 тысяч – совершают попытку демонстративного суицида. По данным ЮНИСЕФ, 45% русских девочек и 27% русских мальчиков хотя бы раз в жизни серьезно обдумывали возможность самоубийства. Ясное знание причин риска суицидального поведения может быть полезным в оказании эффективной и адресной помощи тем, кто остается один с непреодолимыми трудностями. Учет социальных и психологических проблем подобного поведения имеет прогностический характер, как в целом для подростков, так и для конкретного ребенка в период обучения в школе или во время его других социальных контактов, как полагают сторонники скринингового метода [2, 3, 10, 14].

Анализ различных научных источников позволил нам прийти к выводу о том, что в социологии, политологии, маркетинге зачастую используются традиционные приемы психологов, пришедшие в психологию из клинической практики. Примером может служить глубинное интервью З. Фрейда и клиническая психотерапия К. Роджерса. Есть основания, что именно в этих диагностических пробах зарождалась комплексная диагностика, которая в настоящее время выражается в скрининговых технологиях теории личности [15].

В настоящих исследованиях проблемы и задачи беседы представлены таким образом, чтобы социальные обстоятельства и частные события закономерно складывались в общую картину развития, а критерии и параметры, влияющие на оценивание отдельного человека, разрешали сделать обобщения более шире.

Конкретные показатели и критерии социальных явлений, находящихся в плоскости интересов психологов, связаны с выявлением различного рода социальных рисков и определением групп, подверженных этому риску. Асоциальное поведение, рост суицидов, особенно детских суицидов, нарушения жизнедеятельности отдельного индивида обнаруживают социальную напряженность в обществе и приводят к опасным экономическим, социально-политическим и демографическим результатам, зачастую указывают на неэффективность традиционной системы образования и социальной помощи [2, 14].

При создании собственной методики «Тревожный сигнал», с целью выявления групп риска школьников, склонных к суицидальному поведению, мы с большим интересом изучали опыт научно-исследовательского психоневрологического

института им. В.М. Бехтерева при разработке скринингового опросника. Вывод о том, что социальные риски сводятся к выявлению признаков изменений социального функционирования, в частности, социальной фрустрированности позволил нам определить с выделением наиболее сензитивных зон развития школьников. Определение полной картины социальных фрустраторов, выделенной методикой оценки уровня социальной фрустрированности (УСФ), в которой проанализирован опыт использования реабилитационной карты института им. В.М. Бехтерева, шкалы ВОЗКЖ-100, Ланкаширской шкалы качества жизни способствовал уточнить количественные и качественные показатели нашего опросника «Тревожный сигнал», помог разработать алгоритмы проведения скринингового исследования, допускающих работать в профилактическом порядке и не допустить снижения защитных возможностей человека до критической степени [10]. Утверждение о том, что необходима диагностика, обладающая прогностическим эффектом не вызывает сомнения. Основным собирательным показателем прогностической диагностики (как разновидности скрининга) является жизнестойкость (Л.Г. Александрова, С.Н. Ениколопов, А.Г. Ефремов, Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова и др.) [9, 10]. Это достаточно новый термин в психологии личности. Ранее были популярны понятия близкие по смысловому сюжету, к примеру, субъектность (Ананьев А.Г., Рубинштейн С.Л., Леонтьев А.Н., Петровский В.А., Осницкий А.К.), самореализация (Коростылева Л.А.), стилевые особенности (Либин А.А.) и др. [1, 13].

Идею жизнестойкости как ведущего фактора социальной адаптации ввел Сальваторе Мадди [12, 19]. Составляющими компонентами жизнестойкости являются включенность, уровень субъективного контроля за событиями и готовность принять вызовы жизни. Известны значительные количества исследований, доказывающих взаимосвязь оптимизма и жизнестойкости, высокого уровня психического здоровья и успешности. Следует отметить, что в исследованиях Сигидды и Хасана показана взаимосвязь воспоминаний прошлого и показателей жизнестойкости [18]. Отмечено в данных исследованиях, что опрошенные в скрининговых диагностических пробах с невысоким уровнем жизнестойкости чаще высказываются о событиях, которыми не смогли управлять и с которыми не смогли справиться. Респонденты, которые были отнесены к жизнестойким, оценивали большую часть пережитых событий прошлого как управляемые и подконтрольные. Исследование Флориана, Микулинчера и Та-

убмана позволило определить роль оценки и сформированных копинг-стратегий, как прогностических показателей, а также подтвердило, что высокий уровень жизнестойкости способствует сохранению психического здоровья в тяжелых жизненных ситуациях [17]. Анализ методологических и теоретических позиций, массива эмпирических данных позволил нам сформировать скрининговый опросник «Тревожный сигнал». Опросник включает в себя 142 вопроса, которые распределены на следующие смысловые зоны:

1. Психическое здоровье.
2. Межличностные отношения в семье.
3. Когнитивное развитие, познавательные интересы.
4. Особенности развития эмоционально-волевой сферы.
5. Поведенческие реакции, социальное поведение.
6. Межличностные отношения в референтных группах.

Проведен первый этап исследования, в котором участвовало более 650 подростков в возрасте 12–14 лет, проживающих в г. Оренбурге (459 детей), в сельских районах – 191 детей. Первыми результатами исследования стало то, что более чем у 60% подростков выявлено то, что у них возникают мысли о самоубийстве. Гендерное распределение данных следующее: более 46% девочек и 25,5% мальчиков посещают размышления и мысли о собственной смерти и о самоубийстве. Вероятно, подобное распределение объяснимо. Девочки быстрее взрослеют, очень многие девочки высказывают недовольство своей внешностью, своим материальным положением, разочарованием в своих собственных успехах, неуверенность собой зачастую подавляют открытой аутоагрессией. Следует отметить, что данное распределение подтверждается и статистикой Всемирной организации здравоохранения. Более чем 45% детей выражают неудовлетворенность отношениями со своими родителями, нередко выражение неуважения и скептицизма к собственным родителям, к их работе и их достижениям, более 30% подростков хотели бы улучшить межличностные отношения со своими сверстниками, испытывают недостаток контактов. Самыми искренними контактами считают свои отношения в социальных сетях. Почти 50% школьников с недоверием относятся ко всем взрослым, более 35% детей считают, что их достижения оценивают несправедливо сверстники, учителя, родители. Первые пилотажные исследования достаточно тревожны. Почти половина наших респондентов переживают одну или несколько тяжелых жизненных ситуаций. Мы смогли выявить группы риска в результате

исследования. Для групп риска разрабатываются и апробируются первые адресные коррекционно-развивающие программы, направленные на повышение жизнестойкости как необходимого личностного качества подростков.

Собственно, это и есть цель истинной диагностики, дающей максимально точный и полный анализ состояния и взаимосочетания психических качеств индивида. По нашему мнению, проблема диагностики – это всегда целевая проблема о возможности развития человека, вопрос в том, относительно какой задачи проводится диагностика, и что предпринять после ее завершения.

Статья печатается при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Оренбургской области № 13-16-56009а.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. Настоящее и будущее российской психологии: мнения ведущих специалистов // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 11.
2. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: сб. научн. трудов; под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – С. 82–90.
3. Батурин Н.А. Психология успеха и неудачи: учеб. пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1999. – 100 с.
4. Выготский Л.С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок / Л.С. Выготский, А.Р. Лурия. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
5. Епанчинцева Г.А. Интеграционные тенденции в развитии методов психологического исследования / Г.А. Епанчинцева, Т.Н. Козловская // Сибир. психол. журн. – 2011. – № 39. – С. 28–35.
6. Епанчинцева Г.А. Развивающая психологическая диагностика саморазвития и самоорганизации личности / Г.А. Епанчинцева, Т.Н. Козловская. – Изд-во: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. Saarbrücken, Germany, 2012. – 416 с.
7. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. – М.: ИП РАН, 2007. – 335 с.
8. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. – М., 1970. – С. 178.
9. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. (2007) Печать экзистенциализма: эмпирические корреляты экзистенциального мировоззрения // Экзистенциальная традиция в философии, психологии, психотерапии. – 2007. – № 1. – С. 121–130.
10. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 43 с.
11. Лубовский Д.В. Введение в методологические основы психологии. – М.: Изд-ва: МОДЭК, МПСИ, 2007. – 224 с.
12. Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – № 6. – Т. 26. – С. 87–101, 127.
13. Сергиенко Е.А. Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии; под ред.: А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – М.: ИП РАН, 2009. – С. 50–66.
14. Трубицына Л.В. Педагогам о суицидах // Вестник московского образования. – 2012. – № 9. – С. 217–244. – 1,5 п.л.
15. Хьелл Л. Теории личности: осн. положения, исследования и применение / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с. – ISBN 5-88782-044-6.
16. Epanchintseva G.A., Kozlovskaja T.N., Molokostova A.M., Issina I.V. About NEW TENDENCIES of DIAGNOSTICS of manifestations of self-destroying behavior and social risks of school students // Zbiór raportów naukowych. «Nauka w świecie współczesnym». (29.05.2013 – 31.05.2013). – Łódź: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2013, pp. 23–28.
17. Florian Victor; Mikulincer Mario; Taubman Orit. (1995). Does hardiness contribute to mental health during a stressful real-life situation? The roles of appraisal and coping. Journal of Personality and Social Psychology. 1995 Apr. 68 (4): pp. 687–695.

18. Siddiq S. H., and Hasan, Quamar (1998). Recall of past experiences and their self-evaluated impact on hardiness-related characteristics. Journal of Personality & Clinical Studies, Mar-Sep. 14 (1–2): pp. 89–93.

19. Khoshaba D., & Maddi, S. (1999) Early Antecedents of Hardiness. Consulting Psychology Journal, Spring 1999, Vol. 51, (n2); 106–117.

References

1. Asmolov A.G. Nastojashhee i budushhee rossijskoj psihologii: mnenija vedushhijh specialistov. Nacionalnyj psihologicheskij zhurnal. 2012. no. 1, pp. 11.
2. Aleksandrova L.A. K koncepcii zhiznjestojkosti v psihologii. Sibirskaja psihologija segodnja: Sb. nauchn. trudov. [pod red. M.M. Gorbatovoj, A.V. Serogo, M.S. Janickogo]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2004, pp. 82–90.
3. Baturin N.A. Psihologija uspeha i neudachi: ucheb. posobie. Cheljabinsk, Izd-vo JuUrGU, 1999. 100 p.
4. Vygotskij L.S. Jetjudy po istorii povedenija: Obezjana. Primitiv. Rebenok L.S. Vygotskij, A.R. Lurija. M., Pedagogika-Press, 1993. 224 p.
5. Epanchinceva, G.A. Integracionnyje tendencii v razvittii metodov psihologicheskogo issledovanija. Sibir. psihol. zhurn. 2011. no. 39, pp. 28–35.
6. Epanchinceva G.A. Razvivajushhaja psihologicheskaja diagnostika samorazvittija i samoorganizacii lichnosti. Izdatelstvo: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. Saarbrücken, Germany, 2012. 416 p.
7. Zalevskij G.V. Lichnost i fiksirovannye formy povedenija. M., IP RAN, 2007. 335 p.
8. Lazarus R. Teorija stressa i psihofiziologicheskie issledovanija. Jemocionalnyj stress. M., 1970, pp. 178.
9. Leontev D.A., Osin E.N. (2007) Pechat jekzistencianalizma: jempiricheskie korrelyaty jekzistencionalno mirovozzrenenija. Jekzistencionalnaja tradicija v filosofii, psihologii, psihoterapii, 2007, no. 1, pp. 121–130.
10. Leontev D.A. Test zhiznjestojkosti. M., Smysl, 2006. 43 p.
11. Lubovskij D.V. Vvedenie v metodologicheskie osnovy psihologii. Izdatelstva MODJeK, MPSI, 2007. 224 p.
12. Maddi S.R. Smysloobrazovanie v processe prinjatija reshenij. Psihologicheskij zhurnal. 2005, no. 6, vol. 26, pp. 87–101, 127.
13. Sergienko E.A. Kontinualno-geneticheskij princip stanovenija subekta. Subektnyj podhod v psihologii [pod red.: A.L. Zhuravleva, V.V. Znakova, Z.I. Rjabikinaj, E.A. Sergienko]. M., IP RAN, 2009, pp. 50–66.
14. Trubicyna L.V. Pedagogam o suicidach. Vestnik moskovskogo obrazovanija, 2012, no. 9, pp. 217–244.
15. Hell L. Teorii lichnosti: osn. polozhenija, issledovanija i primenenie SPb., Piter Press, 1997. 608 p. ISBN 5-88782-044-6.
16. Epanchintseva G.A., Kozlovskaja T.N., Molokostova A.M., Issina I.V. About NEW TENDENCIES of DIAGNOSTICS of manifestations of self-destroying behavior and social risks of school students. Zbiór raportów naukowych. «Nauka w świecie współczesnym» (29.05.2013 – 31.05.2013). Łódź: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2013, pp. 23–28.
17. Florian Victor; Mikulincer Mario; Taubman Orit. (1995). Does hardiness contribute to mental health during a stressful real-life situation? The roles of appraisal and coping. Journal of Personality and Social Psychology, 1995, Apr. 68 (4). pp. 687–695.
18. Siddiq S.H. and Hasan, Quamar (1998). Recall of past experiences and their self-evaluated impact on hardiness-related characteristics. Journal of Personality & Clinical Studies, Mar-Sep. 14 (1–2), pp. 89–93.
19. Khoshaba D., & Maddi, S. (1999). Early Antecedents of Hardiness. Consulting Psychology Journal, Spring, 1999, vol. 51 (no. 2), pp. 106–117.

Рецензенты:

Зубова Л.В., д.псх.н., доцент, заведующий кафедрой общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета, г. Оренбург;

Назаров Н.В., д.п.н., профессор кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета, г. Оренбург.

Работа поступила в редакцию 17.10.2013.